И. С. ДУШАКОВА

Душакова Ирина Сергеевна
аспирант, научный сотрудник, Центр этнологии,
Институт культурного наследия Академии наук Молдовы
Молдова, 2002, Кишинев, бул. Штефан чел Маре, 1.
Тел.: +(373) 22-260-960
E-mail: dusacova@gmail.com

ПАМЯТЬ И ЗАБЫВАНИЕ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕРРИТОРИЙ В ИНТЕРНЕТ-СМИ

Аннотация. Рассмотрена репрезентация территорий в текстах культурной тематики СМИ. Для анализа привлекаются тексты из молдавских медийных источников (самопрезентация), а также из российских (репрезентация «другого»), опубликованные в период с января 2011 по декабрь 2015 г. На данном материале проанализированы репрезентации городов (на примере городов Гагаузии), страны (Молдова в российских СМИ), регионов (условные «Восток» и « Запад»). Выявлены такие узловые точки репрезентации территорий в СМИ, как историческая память, сохранение культуры и языка, полиэтничность пространств, а также точки, общие для двух из трех указанных уровней: спортивная и религиозная тематика для городов и страны, границы «Запада» и «Востока» для уровня страны и региона.

Ключевые слова: репрезентация, дискурс-анализ, медийные каналы коммуникации, территория, политизация

Исследование формирования и содержания коллективных представлений сегодня осуществляется в рамках различных направлений, включая media studies, поскольку медиа оказывают непосредственное влияние на механизмы массового производства и воспроизводства информации [Colapinto, Benecchi 2014: 219; Taylor, Perry 2005; Селиванов 2012: 163; Эриксен 2012: 124], и «после того как коммуникативная память целиком переходит в память культурную, именно СМИ становятся необходимой опорой для сохранения памяти» [Ассман 2014: 270]. При этом интересной представляется перспектива анализа репрезентации в СМИ связи коллективной памяти с пространством, поскольку «в современном историческом сообществе господствует убеждение, что любому обществу необ-

© И. С. ДУШАКОВА

ходимо, чтобы каждый его участник чувствовал неразрывную связь с прошлым и включал себя в историческое, аксиологическое и географическое пространство как своей страны, так и мира в целом» [Савельева, Полетаев 2008: 19]. Эта проблема рассматривалась с разных перспектив. Проводились прикладные исследования в области брендинга территорий [Dinnie 2011; Малькова, Тишков 2012]. А. Ф. Филиппов, обращаясь к социологии пространства, убедительно продемонстрировал актуальность и неполную разработанность темы пространства в социальных науках, а также тесную связь данной проблематики с идентификацией «своего» общества [Филиппов 2008]. Д. Янов в рамках интерпретативного политического анализа (interpretive policy analysis) говорила о трактовке «физических артефактов», в том числе застроенного пространства (built space), как о «медийных» каналах коммуникации [Yanow 2015]. Вопрос о связи памяти, текста и места ставился в работах [Йейтс 1997;Трубина 2000; Шеманов 2012] и др. Последняя постановка вопроса заставляет нас обращаться к СМИ, поскольку они зачастую реализуют эту связь, выступая в качестве «медиума, обеспечивающего коммуникативные операции» [Луман 2005: 9–10].

Необходимо, однако, учитывать, что медиа не только транслируют информацию, но и определяют тематику передаваемых новостей и выполняют роль форума для общения [Bird 2007; Bird, Baber 2007]. Кроме того, сам процесс отбора фактов является механизмом принуждения [Chilton, Schäffner 1997: 212–213], а в случае работы с медиа как с источником информации необходимо осознавать, что они создают узкие рамки восприятия при формировании повестки дня [Moore et al. 2011: 5–9]. В рамках дискурс-анализа такое явление можно объяснить через понятие «дискурсивной области» по Э. Лакло и Ш. Муфф, под которым понимают «резервуар для “добавочных значений”, возникающих в артикуляционной практике, то есть значений, которые имеет или имел каждый знак, но которые исключены определенным дискурсом ради создания единства значений» [Йоргенсен, Филлпис 2008: 57]. Такой подход дополняется разработками в области этнометодологии, в рамках которой введено понятие индексикальности, трактуемое как «конкретность, соотнесенность с ситуацией, зависимость от контекста определенных выражений» [Соколовский 2001: 39], а также в области лингвистики через описание влияния контекста на понимание текстов [ван Дейк 2000: 18; ван Дейк, Кинч 1988].

Таким образом, представления, транслируемые СМИ, ограничены благодаря включению в дискурс и трактуются в зависимости от контекста. Избежать этого ограничения невозможно, поскольку событие не может передаваться в медийных сообщениях в своей первоначальной форме, оно становится значимым тогда, когда транслируется в формах дискурса, характерного для того или иного канала СМИ [Hall 1980: 129]. Кроме того, Дж. Шерцер отмечал, что «процесс структурирования дискурса есть локус взаимодействия языка и культуры», а «дискурс является воплощением, фильтром, создателем, воссоздателем и передатчиком культуры» [Sherzer 1987: 306].

Этот вопрос выводит нас на проблему того, что транслируется по медийным каналам, поскольку медиа во многом являются «фильтром», который определяет ряд коллективных представлений и в некоторых случаях может создавать эффект дополненной реальности [Идлис 2007].

В целом, исходя из всех обозначенных подходов, мы можем утверждать, что СМИ могут выполнять следующие функции: 1) определять повестку дня, интенсивно освещая одни события и не освещая другие, и таким образом формировать коллективные представления; 2) служить каналом передачи информации, разделяемой некоторой общностью людей; 3) служить для хранения коллективной памяти.

При этом важно обозначить, что на вопрос о связи между транслируемой СМИ информацией и эффектом, которого они достигают, невозможно ответить только при помощи анализа текстов. Ответ на этот вопрос требует, на наш взгляд, сопоставления результатов текстового анализа, выявляющего, что транслируют СМИ, с результатами опросов и интервью о том, какие из транслируемых представлений являются «работающими» и актуальными.

В рамках данной статьи мы ставим перед собой лишь задачу выявить, что именно транслирует СМИ, надеясь в будущем сопоставить результаты этого исследования с исследованиями полевыми.

Нами был проведен дискурс-анализ медийных текстов в период с января 2011 г. по декабрь (включительно) 2015 г. по следующей схеме.

1. Репрезентация городов Автономного территориального образования Гагаузия в гагаузских медиа (самопрезентация[1], город) по материалам ведущего новостного портала, находящегося в первой пятерке Google по запросу «новости Гагаузии» (Gagauzinfo.md), а также официального сайта гагаузского города Чадыр-Лунга (Ceadir-lunga.md).

2. Репрезентация Молдовы в российских СМИ (репрезентация «другого», страна) по материалам российских газет «Известия» и «Новая газета» (которые имеют печатную и электронную версии), придерживающихся разных политических взглядов. Данный блок содержит значительно меньшее количество публикаций, поскольку интерес к Молдове в проанализированных изданиях стабильно не очень высокий.

3. Репрезентации Запада и Востока в молдавских СМИ (смешанная репрезентация, регион) по материалам популярных информационных агентств Молдовы Enews.md и Pan.md. Статьи этого блока также не очень многочисленны, однако почти все они содержат информацию о культуре, хотя и в политизированной форме. Некоторые тексты, попавшие в выборку, не представляют оригинальный контент и полностью или частично копируют тексты других изданий, зачастую российских.

[1] О соотношении презентации и самопрезентации, о возможности представить себя в медийном пространстве и о неравенстве в распределении как информации, так и технических средств, обеспечивающих ее производство и потребление, см.: [Hamelink 2013: 143–145; Bird 2002: 131; Padovani 2005].

Стоит отметить относительность выделенных территориальных категорий, так как в различных текстах они могут определяться и функционировать по-разному. Неоднозначной в данном разделении выступает категория региона. Так, Е. В. Головнева, прослеживая концептуализацию понятия *регион* в различных дисциплинах, отмечает его размытость и многочисленные варианты трактовки: «от масштабных теоретических повествований о пространстве (невозможном без регионов) до детального специфически местного соотношения сил в развитии того или иного региона» [Головнева 2014: 48]. В нашем случае под *регионом* понимается максимально широкая территория, воспринимаемая как целое. Однако при таком подходе связующей идеей, как показал анализ медийных текстов, становится политика, что приводит к политизации всей информации, связанной с регионом. Кроме того, в публичном дискурсе (policy discourse) разделение по оси «Восток — Запад» (в рассматриваемом случае это реализуется как противопоставление «Запад» и «не-Запад») не имеет отношения к географии [Yanow, van der Haar 2013: 22–24]. Потому анализ текстов по указанным категориям также может обрисовать границы заданных в исследовании территорий.

Проведенный анализ показал, что во всех случаях культурная тематика затрагивает следующие области.

Историческая память, включающая память о Первой мировой войне (на уровне города), о Великой Отечественной войне (на уровне страны) и о «холодной войне» (на уровне региона) или противостояние «Россия — Запад» (более мягкая форма, чем холодная война). Эта часть информации выполняет в первую очередь функции маркирования своего–чужого. Так, на уровне страны Молдова как страна-участница Великой Отечественной войны попадает в сообщениях российских СМИ в категорию «свои», что это редкий случай, поскольку в целом российские публикации, посвященные Молдове, несут негативные коннотации. Интересно, что «Новая газета» публикует тексты, в которых вполне отчетливо прослеживается осознание работы этого механизма:

> Дальше выяснилось, что самое мощное воздействие георгиевская ленточка оказывает даже не в России, а в таких странах, как Украина, Молдова, в сопредельных странах. То есть там, где есть раскол, где есть спор по поводу идентичности, памяти [Липский 2015].

При этом высказывания кишиневских политиков о том, что в Великой Отечественной войне Молдова является проигравшей стороной, вызывают критику и переносят Молдову в категорию «чужой». Анализ гагаузских СМИ показывает, что данная тематика эксплуатируется Гагаузией для того, чтобы противопоставить автономию республике в целом:

> Депутат парламента, председатель Союза ветеранов Молдовы Алла Мироник подвергла критике решение примэрии Кишинева[2] о запрете празднования Дня победы на центральной площади страны. «Кто посмел сказать, что 9 мая это не День победы, а день Европы? Мы должны объединяться, чтобы не допускать подобных вещей в дальнейшем», — заявила Алла Мироник [Представительство 2013].

Похожую смену валентности в дихотомии свой–чужой можно наблюдать при переходе от уровня страны к уровню региона, поскольку ряд стран, которые выступали союзниками в Великой Отечественной войне, в «холодной войне» оказались противниками. При этом важно отметить, что в данном случае указанные дискурсивные практики касаются именно стран, а не этнических групп, что неоднократно подчеркивается в СМИ на всех анализируемых территориальных уровнях. Этот способ репрезентации коррелирует с результатами исследования Института социологии РАН, согласно которым наибольшую антипатию среди россиян вызывают этнонациональные группы, негативный опыт взаимодействия с которыми сформировался не более чем за последние 20 лет [Бараш 2012: 92–93]. В отношении государства вопрос маркирования свой–чужой решается отнесением Молдовы к условному геополитическому Западу или Востоку (под которым в анализируемых изданиях подразумевается в большинстве случаев Россия):

> В Молдове решаются не политические, а геополитические вопросы. В день парламентских выборов 28 ноября на кон будет поставлено будущее страны: Молдова, над которой завис дамоклов меч, выберет между прошлым и будущим, между Востоком и Западом. Европейская направленность, продвигаемая нынешними властями, поставлена под угрозу [Дунгачиу 2010].

Интересно в этом контексте выстраивание своей линии исторической памяти городом Чадыр-Лунга. Репрезентация исторического прошлого в данном случае происходит через освещение не только хода сражений и жизни участников Великой Отечественной войны, но и участия жителей города в Первой мировой войне. Этот проект реализуется с 2014 г., когда 11 ноября в городе был открыт обелиск памяти павшим в Первой мировой войне — этому событию было посвящено сразу несколько публикаций на двух анализируемых сайтах. Так, официальный сайт Чадыр-Лунги освещает это событие, подчеркивая его уникальность для Молдовы[3]:

[2] В течение нескольких последних лет 9 мая в Молдове отмечают одновременно День Европы и День победы. Официальный статус обоих праздников постоянно обсуждается на уровне правительства, а мэрия (*primăria*) столицы также принимает решения о распределении публичного пространства для каждого из праздников. Зачастую население страны воспринимает это в глубоко политизированной форме: День Европы ассоциируется с внешнеполитическим курсом евроинтеграции, а празднование Дня победы воспринимается как советское наследие и ассоциируется с налаживанием дружеских отношений с Россией. Отрицание Дня Европы или Дня победы становится способом выражения политической позиции.

[3] Орфография и пунктуация источников здесь и далее сохранены.

> 11 ноября 2014 г. в городе состоялось историческое событие — торжественное открытие памятного знака (обелиска), павшим в Первой мировой войне. Решение об установке в г. Чадыр-Лунга памятного знака принято по инициативе Общественного объединения ИКЦ «Диалог» (р[уководите]ль Капанжи С. Н.) и при поддержке Примэрии и Городского Совета. Стоит отметить, что это первый и единственный в истории Молдовы памятный знак в честь участников Первой мировой войны 1914–1918 гг. (Ceadir-lunga.md, 12.11.2014)[4].

Несколько публикаций, посвященных установке того памятника, появляются и на новостном портале «Гагаузинфо», но их размещение демонстрирует специфику работы новостных агентств, когда о событии сообщается заблаговременно (публикации о планах открыть этот памятник появляются в сентябре и октябре 2014 г.).

Этот пример показывает совместное функционирование исторического и религиозного дискурсов в СМИ: как отмечено в цитировавшейся выше публикации, «в память о погибших священнослужителями была проведена памятная литургия» (Там же).

Другой тенденцией, которую можно заметить при переходе от уровня города к уровню страны, является степень персонифицированности информации. Если на уровне города можно встретить сообщения в формате личной истории ветерана, то на уровне страны, как правило, констатируется лишь факт участия страны в войне, а упоминаний об отдельных людях нет. Так, на сайте г. Чадыр-Лунга в публикации, посвященной церемонии 9 мая, упоминаются имена горожан-ветеранов:

> В Парке Победы колонну уже ожидали жители, чтобы с цветами, цветными шарами и лентами встретить героев, ветеранов ВОВ: Шишкова А. Г., Королькова В. П., Воробьеву М., Костева А. (Ceadir-lunga.md, 09.05.2014).

Что касается «холодной войны», в начале анализируемого периода она выступает лишь фоном, постепенно актуализируясь и становясь все более значимой при освещении геополитического противостояния по оси «Запад — Восток» (в молдавских СМИ) или «Россия — Запад» (в российских). Например, при освещении протестов, проходивших в Республике Молдова в сентябре 2015 г., «Известия» приводят следующий комментарий эксперта:

> Миллиардная кража, то, что правительство сменилось, идет чехарда наверху, несмотря на то что создалась трехпартийная коалиция, — всё равно это вызвало резкую реакцию на Западе. Все понимают, что просто так давать деньги стране, в которой такое происходит, невозможно. Тем более Западу требуются гарантии в том, что политическая ситуация будет более-менее стабильна, ведь это нужно для давления на Россию [Байкова 2015].

[4] Здесь и далее при цитировании материалов с сайта г. Чадыр-Лунга указывается название сайта и дата публикации.

В молдавских и российских изданиях «холодная война» связывается с потенциальным расширением НАТО в противовес расширению российского влияния или как прямая угроза России:

> Конечно, американцы привыкли за последние десятилетия к своей суперроли. Но играют они ее, исходя из собственных интересов, таща европейцев под предлогом евроатлантической солидарности во всяческие авантюры. Или, например, просто в НАТО. С одной-единственной целью: окружения России [Суркова 2013][5].

Интересный пример представляет собой Украина, которая до 2014 г. упоминалась в рамках концепта «Восток», а с 2014 г. попала в категорию «Запад», т. е. перешла, судя по сообщениям в молдавских СМИ, из зоны российского в зону западного влияния. В молдавских СМИ этот сюжет оказывается связанным с уже упомянутым противостоянием Запада и Востока или Запада и России. Например, в одном из аналитических материалов, опубликованных на сайте pan.md, приводится мнение москвича, друга автора текста, с последующим выводом о потере Россией Украины:

> Он (друг автора статьи, москвич. — *И. Д.*) сказал так: ну вот, Крым мы приобрели, а Украину потеряли. И он прав. Даже если России удастся провернуть такой же спектакль в Восточной Украине (а там все-таки большинство украинцы, многие из них — русскоязычные, но украинцы), что и в Крыму, и даже посадить Януковича обратно на киевский престол, украинцы никогда не перестанут ненавидеть агрессора [Григорьевс 2015].

В российских же изданиях можно встретить достаточно близкую позицию об отдалении Украины от России одновременно с репрезентацией невозможности ее евроинтеграции:

> Харакири Украины, довольно профессионально выполненное евромайданщиками прошедшей весной, отдалило эту замечательную — в прошлом — страну не только от России, но и от Европы. Вопреки оптимистическому щебетанию вашингтонских евроинтеграторов, Европа не спешит открывать себя «Правому сектору», батальону «Азов» и его симпатизантам [Бондаренко 2014].

Кроме того, это противостояние в молдавских изданиях связано с негативным прогнозированием политики Запада в отношении некоторых этнических групп (молдаван, русских) и российского влияния в стране:

> С одной стороны, в Лиссабоне Запад торжественно объявляет об окончании эпохи «холодной войны», а с другой стороны, пособни-

[5] Перепечатка из «Известий». Пример нейтральной публикации в российских СМИ, извещающей об открытии представительства НАТО в Молдове, — [В Молдавии 2015b].

> чает укреплению русофобских настроений во временно ставшей «либерально-демократической» Молдове, помогает расшатыванию молдавской государственности в пользу румынских ирредентистов (сторонников воссоздания «Великой Румынии») [Боршевич 2010].

Восток в молдавских изданиях получает диаметрально противоположные оценки: от взаимопонимания до равного обвинения и Востока и Запада в «потребительском отношении» к Молдавии. При этом в публикациях о постоянном расширении влияния НАТО могут встречаться и отсылки к событиям на Украине:

> Как рассказал командующий молдавским контингентом полковник Вячеслав Русу, «армии США и Молдавии связаны дружескими отношениями, поэтому ежегодные тактические учения с участием американских военных уже стали традицией». Он отметил, что большинство маневров, в которых принимает участие молдавская сторона, проводятся под эгидой НАТО. Ранее США приветствовали решение властей Молдавии увеличить оборонный бюджет для модернизации армии в связи с украинским кризисом [В Молдавии 2015a].

С событиями на Украине в «Новой газете» тесно связанным оказывается сюжет о Приднестровской Молдавской Республике и ее отношениях с Россией. Эта тема требует отдельно рассмотрения, подробнее мы на ней останавливаться не будем; в качестве примеров для подтверждения этой мысли можно привести публикации [Рачева 2015a; 2015b].

С публикациями, содержащими упоминания о войнах, пересекаются и те, которые репрезентируют «исторически сложившееся партнерство». В данном случае партнерами выступают снова страны, или, как в случае с Чадыр-Лунгой, города-побратимы (например, см. публикации на Ceadir-lunga.md «Делегация из Чадыр-Лунга побывала в городе-побратиме Костроме» — 12.08.2014, или «У Чадыр-Лунги будет еще один город-побратим» — 12.05.2014), но на разных территориальных уровнях они различаются: в публикациях, репрезентирующих уровень города, можно встретить упоминания Турции, Болгарии, Азербайджана, России; на уровне страны в качестве партнеров выступают Россия и Украина[6]; а на уровне региона такое отношение прослеживается только к России.

П о л и э т н и ч н о с т ь п р о с т р а н с т в. Утверждение полиэтничности пространств, часто представляемой как сложившаяся исторически ситуация, происходит в рамках двух тенденций.

С одной стороны, репрезентация полиэтничности пространств осуществляется через описание этнокультурных фестивалей, праздников, связанных с этнической культурой той или иной группы, а также через

[6] Нельзя при этом забывать, что этот уровень репрезентации отражает позицию российских СМИ. Высока вероятность того, что при анализе румынских СМИ мы бы выявили других традиционных стран-партнеров Молдовы.

указание на сосуществование нескольких этнических групп на определенной территории. При этом события подобного рода могут освещаться как местные фестивали, проводимые на территории Гагаузии, так и те, в которых принимают участие гагаузские коллективы. Примером может служить публикация, посвященная V Международному фестивалю тюркоязычных театров «Туганлык», в котором принял участие коллектив чадыр-лунгского театра:

> Фестиваль тюркоязычных театров «Туганлык» проводится как яркий и зрелищный праздник сценического искусства республик и стран, сохраняющих высокую театральную культуру, дружбу и добрососедские отношения, основанные на общности культурно-языковых корней и исторической принадлежности к тюркскому миру (Ceadir-lunga.md, 10.08.2012).

Это, однако, в меньшей степени характерно для уровня страны, поскольку этнический состав Молдовы в российских изданиях обычно не репрезентирован, основные различения населения проводятся по родному языку и политическим предпочтениям. Здесь можно проследить сходство с фольклорными текстами, где информация по другой стране не проявляет различий по этническому признаку, а этническая дифференциация осуществляется уже на уровне региона [Неклюдов 2004: 44].

С другой стороны, ряд статей проблематизирует различие этнических групп. В большей степени это характерно для уровней города (различение болгар и гагаузов) и региона (различение молдаван и румын)[7], что связывают с тенденцией к возрастающему взаимному влиянию соседствующих групп. Что же касается уровня страны, здесь представлено разделение населения страны по политическим убеждениям. Например, подобное различение обрисовывает цитировавшаяся выше статья [Байкова 2015] при анализе ситуации в Молдове во время осенних протестов 2015 г. Другим примером может служить ряд текстов «Новой газеты», посвященных этим событиям, например:

> Многие участники акции держат в руках национальные флаги. В воскресной акции протеста участвовали в том числе и представители пророссийской политической организации «Наш дом — Молдова» и через дорогу от площади продаются георгиевские ленты и российский триколор. Впрочем, на площади подобную символику не используют [Ивашкина 2015].

В этом примере можно проследить проведение границ по внешнеполитической ориентации партий и политических организаций, а не по эт-

[7] В данном случае позиция научного сообщества по вопросу различения молдавской и румынской общностей и необходимости такого разделения остается вне фокуса внимания нашего исследования, поскольку это отдельная тема для дискуссии.

ническому или даже языковому признаку. Если продолжить линию примеров с флагами, то по трактовке прочтения символики флага мы можем увидеть взаимосвязанную проблематизацию, во-первых, этнического и/или языкового деления, а во-вторых, исторической памяти о Великой Отечественной войне:

> Румынский триколор ассоциируется не с народно-освободительным движением многонационального молдавского народа, отстаивающего свое право на самоопределение, на собственный язык и свою историю, а с неофашистскими маршами и попытками предателей Молдавского государства и народа навязать молдаванам с помощью валашских символов новый неофашистский порядок [Мазур 2012].

Однако в политическом контексте объединения Молдовы с Румынией встает вопрос о различении молдаван и румын. Так, при освещении унионистского марша, прошедшего в Кишиневе в сентябре 2012 г., «Известия» цитируют одного из лидеров движения за объединение:

> — Мы — румыны, живущие в Молдавии, хотим жить в одном государстве с румынами из Румынии. И задача нашего движения — донести до людей историческую правду о том, что мы один народ, и рассказать, как будет проходить объединение в общее государство [Мацарский 2012].

Сохранение культуры и языка. Данная категория проявлена достаточно однотипно на уровнях города и региона. Различие между территориальными уровнями заключается в том, какая культура и чей язык будут сохраняться. На уровне города поднимается вопрос сохранения гагаузского и в меньшей степени болгарского языков. Большое количество сообщений посвящено выходу книг на гагаузском языке или о гагаузах, распространению, преподаванию гагаузского и болгарского языков, развитию художественной литературы и показу театральных постановок на гагаузском языке и т. д. Так, один из двух почетных граждан, представленных на сайте г. Чадыр-Лунга в разделе «О городе / Почетные граждане», является оперным певцом в Турции, однако подчеркивается его связь с народной культурой:

> С гагаузской народной музыкой певец не расстается. Это одна из черт его внутренней цельности, которая невольно выявляет живую и естественную связь фольклора с классикой. Все ведь началось с народной музыки, и как хорошо, когда этот животворный ручей в наши дни пробивается на поверхность, не уходит под землю (Ceadir-lunga.md [2011]).

В публикациях, посвященных городам, достаточно часто представляются результаты научных исследований о гагаузах, широко тиражируется информация о презентациях книг или конференциях, посвященных

гагаузам. Так, в публикации об одновременной презентации двух книг Е. В. Квилинковойосвещается не только сам факт презентации, но и содержится попытка передать некоторые содержательные тезисы одной из представленных работ — «Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов»:

> Монография посвящена изучению культа волка у гагаузского народа в системе традиционного мировоззрения и через призму их этнокультурных символов. В работе, на основании собранного автором в течение 10 лет материале в гагаузских селах, подробно освещается содержание обрядности «волчьих праздников» у гагаузов, а также приводятся сохранившиеся легенды и поверья в связи с культом волка (Ceadir-lunga.md, 13.11.2014).

В этом случае можно говорить и об опосредованном влиянии научного дискурса на политику категоризации и признания [Соколовский 2012: 79]. Некоторые публикации указывают также на сложности в процессе сохранения языка и культуры, что объясняется как недостатком кадров для обучения родным языкам, так и низкой заинтересованностью населения городов. Так, в статье, посвященной празднованию 25-летия становления автономии Гагаузии, поднимается проблема недостаточного развития гагаузского языка:

> Михаил Пашалы, один из участников становления Гагаузии, отметил, что в автономии слишком мало внимания уделяется гагаузскому языку. «Очень жаль, но на самом деле гагаузский язык очень скуден. И нам необходимо еще много работать над этим и разрабатывать новую терминологию» — сказал Михаил Константинович (Ceadir-lunga.md, 17.08.2015).

На уровне региона поднимается вопрос о сохранении и русского языка и русской культуры, и молдавской культуры и даже шире — молдавской идентичности. Например, политические решения напрямую связываются с проблемой возможной ассимиляции национальных меньшинств:

> Не буду продолжать напоминать очевидные факты, которые свидетельствуют о политике румынизации населения, ассимиляции национальных и этнических меньшинств. Сегодня власти осуществляют полномасштабные реформы в сферах экономики, судопроизводства, здравоохранения и в других областях государственного управления. Активизируются усилия по реинтеграции Республики Молдова. Но, как и раньше, идеология правящей политической элиты не совпадает с исповедуемой в обществе моралью. В этих условиях необходим и пересмотр национальной политики, которая должна стать стабилизирующим фактором в продвижении мира и духовной гармонии в многонациональной Молдове [Сидоров 2012].

В случае с сохранением русского языка и культуры такая постановка вопроса во многом связана с тем, что в СМИ границы Запада очерчены через ассоциирование Запада с США и ЕС, границы же Востока чаще всего оказываются размытыми, а в некоторых случаях Восток является синонимом России. Следовательно, на этом уровне актуализируются такие проблемы, как отношения России с Западом, российское влияние на постсоветском пространстве и сохранение русского языка и культуры. Последний вопрос затрагивается и на уровне страны, но в этом случае возможность сохранения и развития русского языка является, как и в случае с Великой Отечественной войной, маркером политического сближения или отдаления России и Молдовы. В некоторых случаях информация вводится вместе с приднестровским вопросом, например в статье, освещающей деятельность форума «Славянская культура и письменность как факторы единения народов»:

> Русский язык стал одним из главных героев форума, поскольку основная его программа прошла 6 июня — в день рождения Александра Пушкина, в который также празднуется и День русского языка. Прежде чем перейти к докладам, братья-славяне возложили цветы к памятнику «солнцу русской поэзии» [Завьялова 2014].

Интересно, что если в целом культурная информация окрашена обычно позитивно, то вопрос сохранения и статуса русского языка чаще всего окрашен негативно.

Отдельные публикации посвящены изменениям в географических названиях: *Молдова* вместо *Молдавия*, *Кишинэу* вместо *Кишинев* и т. д. В отражении российских СМИ принимающая подобные нововведения Молдова отдаляется от русского мира, а потому маркируется как «чужой».

Указанная тематика может эксплуатироваться и для репрезентации конструктивного межстранового взаимодействия, как, например, публикация о ежегодном Международном фестивале МОЛДФЕСТ.РАМПА.РУ, проводимом кишиневским Государственным молодежным театром «С улицы Роз» [Авраменко 2013].

Помимо тем, общих для трех территориальных уровней, нами были выявлены темы, проявленные только на двух или на одном уровне. Так, для уровня городов и страны общими являются религиозная (христианство) и спортивная тематики. Последняя представлена довольно узко, в основном текстами о футбольных клубах (на уровне страны) и декларацией необходимости создания хороших условий для занятий спортом:

> Как только в городе появится хорошо оснащенный спортивно-молодежный комплекс, социальная активность населения заметно повысится, а вслед за ней оживится и экономическая ситуация. ‹…› Современный человек должен быть здоровым и спортивным. Поэтому занятия спортом — это не просто хобби, это — необходимость, требование времени (Ceadir-lunga.md, 13.08.2012).

Религиозная тематика оказалась ведущей в создании культурного образа городов Гагаузии. Встречаются публикации о религиозных праздниках (например, о праздновании Пасхи: Ceadir-lunga.md, 18.04.2014), о праздничных литургиях, о постройке или восстановлении церквей (например, о восстановлении Свято-Афанасьевской церкви, разрушенной в советский период: Ceadir-lunga.md, 17.04.2014), о состоянии дел в монастыре и т. д. Для уровня страны это не так значимо, но тоже проявляется в рамках принадлежности к православной культуре, что зачастую воспринимается как эквивалент принадлежности к русскому миру. Такая связь политизирует подаваемую информацию.

На уровне страны и региона общим оказался вопрос проведения границ и отнесения Молдовы к западному или восточному пространству. Важно, что единства в разрешении этого вопроса нет ни в молдавских, ни в российских СМИ. В целом культурная память представлена двумя условно разделенными нами образами исторического прошлого.

1. Создаются образ общего (положительного) советского прошлого и представление о нынешнем разделении с Россией христианских ценностей, а также о принадлежности Молдовы к *русскому миру* — в таком случае Молдова становится частью Востока.

2. Создается образ общего прошлого, навязанного *тоталитарным СССР* — в таком случае Молдова становится частью Запада и разделяет уже ценности развития западной демократии.

В российских СМИ это разделение проходит между изданиями (первый образ — в «Известиях», второй — в «Новой газете»), а в молдавских — между отдельными статьями, общая же позиция издания оказывается смешанной. Поэтому репрезентацию территории на уровне региона также можно считать смешанной. Кроме того, довольно часто и Восток, и Запад представляются как внешняя сила по отношению к «маленькой стране». При этом события в Молдове, каким-либо образом затрагивающие отношение к советскому наследию на государственном уровне, становятся информационным поводом для российских изданий, что говорит о значимости данной тематики, принимая во внимание низкое количество публикаций о Молдове в целом. Примером может служить статья [Молдавский парламент 2012].

Данные, демонстрирующие такой уровень дисперсии, позволяют говорить о неустойчивости представлений, транслируемых медиа. Возможно, эта неустойчивость носит массовый, а не только медийный характер.

Что же касается забывания, его анализ на материалах СМИ видится проблематичным с методологической точки зрения. Семиотический подход к анализу текстов позволяет выделять «нулевые знаки», указывающие на значимое отсутствие какой-либо информации в текстах. Однако для их выявления необходимо иметь «эталонный список» знаков, с которым происходит сверка их проявленности. Именно создание такого «эталонного

списка» является основной проблемой во многих случаях анализа СМИ, поскольку список этот создается исследователем, следовательно, является его конструктом, а потому отражает его позицию.

Особенно важно обращать внимание на эту категорию в изданиях, характер которых требует подачи нейтральных сообщений. При невозможности открыто критиковать идеи, концепты, политические фигуры, этнические группы и т. д. новостные агентства (из источников, проанализированных в данной статье, в большей степени это характерно для «Гагауз-инфо») их просто игнорируют. Таким образом, для читателей определенного СМИ игнорируемое событие или группа исключается из того пространства, в котором издание борется за место в информационном поле.

В заключение хотелось бы отметить, что анализ интернет-СМИ демонстрирует высокую релевантность культурной информации в репрезентации территорий. Это проявляется как на уровне городов, так и на уровне стран. На уровне регионов эта информация подвергается политизации, поскольку культурная тематика и память о прошлом рассматриваются как рычаги игры геополитических акторов «Запад» и «Россия». На этом уровне идея русского мира явно прослеживается как через констатацию самого наличия этого мира, так и через утверждение о том, что русская культура является родной или близкой русскоязычным жителям Молдовы. В данном случае культурное многообразие маркируется не через этническую принадлежность (как на уровне города), а через родной язык. Кроме того, в некоторой степени происходит этнизация культурной информации, поскольку около трети сообщений подаются через призму сохранения этнической культуры.

Культурная тематика играет важную роль как в случае самопрезентации, так и в случае репрезентации «другого». Однако степень детальности информации снижается при переходе от меньших территорий к большим. Так, на более широком территориальном уровне СМИ не освещают личности, образ территории становится более монолитным, а различия маркируются более общими категориями — например, разделение населения не по этническому (русские, украинцы, болгары и т. д.), а по языковому признаку (русскоязычные). С переходом на более высокий территориальный уровень меняются связи, объединяющие территорию, что приводит к усилению политизации транслируемой информации. При этом на всех уровнях главными акторами остаются страны, через которые маркируются границы «своего» и «чужого».

Кроме того, анализ показал высокую степень сходства репрезентации на уровне городов и регионов. Их объединяет близость к самопрезентации. Это позволяет предположить, что репрезентация территорий в большей степени отличается не в зависимости от обширности описываемого объекта, а от степени приближенности каналов, транслирующих информацию, к объекту репрезентации. Этот вывод может использоваться при деконструкции медийных сообщений о территориях.

Интернет-источники

Авраменко 2013 — *Авраменко Е*. В Кишиневе прошел театральный фестиваль с женским лицом // Izvestia.ru. 2012. 3 дек. URL: http://izvestia.ru/news/561735.

Байкова 2015 — *Байкова Т.* «Майдан без кровопролития» и российских журналистов // Izvestia.ru. 2015. 7 сент. URL: http://izvestia.ru/news/591104.

Бондаренко 2014 — *Бондаренко О*. Молдова смотрит на восток // Izvestia.ru. 2014. 1 дек. URL: http://izvestia.ru/news/580158.

Боршевич 2010 — *Боршевич В*. Молдова: новая фокусная точка отношений Восток — Запад // Enews.md. 2010. 10 дек. URL: http://enews.md/articles/view/868.

В Молдавии 2015a — В Молдавии начались учения с участием военных США, Польши и Грузии // Izvestia.ru. 2015. 13 июля. URL: http://izvestia.ru/news/588767.

В Молдавии 2015b — В Молдавии осенью откроется представительство НАТО // Izvestia.ru. 2015. 20 авг. URL: http://izvestia.ru/news/590238.

Григорьевс 2015 — Алекс Григорьевс, журналист, политический обозреватель: Россия и Украина: вместе навеки? // Pan.md. 2 окт. URL: http://pan.md/pozitsiya/aleks-grigorevs-jurnalist-politicheskiy-obozrevatel-rossiya-i-ukraina-vmeste-naveki.

Дунгачиу 2010 — Дунгачиу: над Молдовой завис дамоклов меч // Enews.md. 2010. 21 окт. URL: http://enews.md/news/view/6979.

Завьялова 2014 — *Завьялова О.* В Приднестровье отметили день рождения Пушкина // Izvestia.ru. 2014. 9 июня. URL: http://izvestia.ru/news/572164.

Ивашкина 2015 — *Ивашкина В*. Бессрочный протест в Молдавии: активисты скандируют «Чемодан, вокзал, Россия» // Novayagazeta.ru. 2015. 7 сент. URL: http://www.novayagazeta.ru/news/1696360.html.

Мазур 2012 — *Мазур С*. Аналитика: новый крестовый поход англосаксов на Восток разобьется о православную Молдову // Enews.md. 2012. 1 сент. URL: http://enews.md/blogs/view/2099.

Мацарский 2012 — *Мацарский Ю.* Унионисты прошли маршем по Кишиневу // Izvestia.ru. 2012. 17 сент. URL: http://izvestia.ru/news/535389.

Молдавский парламент 2012 — Молдавский парламент запретил советскую символику // Izvestia.ru. 2012. 12 июля. URL: http://izvestia.ru/news/530224.

Липский 2015 — *Липский А*. Европейские войны памяти: кто взорвал консенсус истории и чем за это заплатит // Novayagazeta.ru. 2015. 1 июня. URL: http://www.novayagazeta.ru/politics/68655.html.

Представительство 2013 — Представительство международного движения «Наследники победы» учреждено в Гагаузии // Gagauzinfo.md. 2013. 14 дек. URL: http://gagauzinfo.md/index.php?newsid=10395.

Рачева 2015a — *Рачева Е*. «Вроде все как в Донбассе — только не всерьез» // Novayagazeta.ru. 2015. 1 июля. URL: http://www.novayagazeta.ru/politics/69033.html.

Рачева 2015b — *Рачева Е*. «Мы готовы быть вашим форпостом» // Novayagazeta.ru. 2015. 29 июня. URL: http://www.novayagazeta.ru/politics/69001.html.

Сидоров 2012 — *Сидоров Д*. Средство разобщения // Pan.md. 2012. 30 авг. URL: http://pan.md/istoriya/Sredstvo-razobshieniya.

Суркова 2013 — *Суркова Л*. «Цель Мюнхенского сговора — повернуть Гитлера на восток // Enews.md. 2013. 7 февр. URL: http://enews.md/blogs/view/2823.

Литература

Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Нов. лит. обозрение, 2014.

Бараш 2012 — *Бараш Р. Э.* Фигура «Другого» как значимая составляющая российской / русской идентичности // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2012. № 1(107). С. 90–99.

ван Дейк 2000 — *ван Дейк Т. А.* Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов / Пер. М. А. Дмитровской // Язык. Познание. Коммуникация / Сост. В. В. Петрова. Благовещенск: БКГ им. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 12–41.

ван Дейк, Кинч 1988 — *ван Дейк Т. А., Кинч В.* Стратегии понимания связного текста / Пер. В. Б. Смиренского // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка / Сост., ред., вступит. ст. В. В. Петрова, В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.

Головнева 2014 — *Головнева Е. В.* Понятийные образы концепта «регион» в академическом дискурсе // Лабиринт. 2014. № 4. С. 42–50.

Идлис 2007 — *Идлис Ю. Б.* Чтение, анализ и преподавание трансмедийного текста // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. № 1. 2007. С. 182–184.

Йейтс 1997 — *Йейтс Ф.* Искусство памяти. СПб.: Университетская книга, 1997.

Йоргенсен, Филлпис 2008 — *Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.

Луман 2005 — *Луман Н.* Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005.

Малькова, Тишков 2012 — Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / Под ред. В. К. Мальковой, В. А. Тишкова. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012.

Неклюдов 2004 — *Неклюдов С. Ю.* Западный и Восточный этнические векторы в русском эпическом сознании // На перекрестке культур: русские в Балтийском регионе / Под общ. ред. А. П. Клемешева. Вып. 7: В 2 ч. Ч. 1. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. С. 39–46.

Савельева, Полетаев 2008 — *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М.: Нов. лит. обозрение, 2008.

Селиванов 2012 — *Селиванов Н. Л.* Опыт настоящего // Аудиовизуальная антропология. Культурное наследие как институт памяти / Сост. Е. Д. Андреева, В. О. Васильева. М.: Ин-т наследия, 2012. С. 161–173.

Соколовский 2001 — *Соколовский С. В.* Образы «Других» в российской науке, политике и праве. М.: Путь, 2001.

Соколовский 2012 — *Соколовский С. В.* Современный этногенез или политика идентичности? Об идеологии натурализации в современных социальных науках // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 77–83.

Трубина 2000 — *Трубина Е.* Места памяти, монументы и «новая» демократия // Топос. 2000. № 3. Цит. по электрон. версии. URL: http://topos.ehu.lt/journal/%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B2-%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2/%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D1%81-%E2%84%96-3-2000.

Филиппов 2008 — *Филиппов А. Ф.* Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008.

Шеманов 2012 — *Шеманов А. Ю.* Визуализация в современной культуре и репрезентация субъективности // Аудиовизуальная антропология. Культурное наследие как институт памяти / Сост. Е. Д. Андреева, В. О. Васильева. М.: Ин-т наследия, 2012. С. 31–42.

Эриксен 2012 — *Эриксен Т.* Успех с горьковатым послевкусием: рассказ о норвежской антропологии // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы: Сб. ст. / Ред. и сост. А. Л. Елфимов. М.: Нов. лит. обозрение, 2012. С. 109–129.

Bird 2007 — *Bird E.* Applying visual methods in ethnographic research // Doing cultural anthropology: Projects for ethnographic data collection / Ed. by M. V. Angrosino. Prospect Heights, Ill.: Waveland Press, 2007. P. 129–139.

Bird, Baber 2007 — *Bird E., Baber J.* Constructing a Virtual Ethnography// Doing cultural anthropology: Projects for ethnographic data collection / Ed. by M. V. Angrosino. Prospect Heights, Ill.: Waveland Press, 2007. P. 139–149.

Chilton, Schäffner 1997 — *Chilton P., Schäffner Ch.* Discourse and politics // Discourse as social interaction: Discourse as social interactions. Vol. 2: Discourse studies: A Multidisciplinary Introduction / Ed. by T. A. van Dijk. London: SAGE, 1997. P. 206–230.

Colapinto, Benecchi 2014 — *Colapinto C., Benecchi E.* The presentation of celebrity personas in everyday twittering: Managing online reputations throughout a communication crisis // Media Culture Society. Vol. 36. № 2. 2014. P. 219–233.

Dinnie 2011 — *Dinnie K*. City branding: Theory and cases. New York: Palgrave Macmillan, 2011.

Hall 1980 — *Hall S.* Encoding / decoding // Culture, media, language: Working papers in cultural studies. London: Routledge, 1980 [1973]. P. 128–138.

Hamelink 2013 — *Hamelink C. J.* Global communication. London: SAGE, 2013.

Moore et al. 2011 — *Moore K., Mason P., Lewis J.* Images of Islam in the UK. The representation of British Muslims in the national print news media 2000–2008 // Pointing the finger: Islam and Muslims in the British media / Ed. by J. Petley, R. Richardson. Oxford: Oneworld, 2011. P. 40–65.

Padovani 2005 — *Padovani C.* Debating communication imbalances from the MacBride Report to the World Summit on the Information Society: An analysis of a changing discourse // Global Media and Communication. Vol. 1. No. 3. 2005. P. 316–338.

Sherzer 1983 — *Sherzer J.* Kuna ways of speaking: An ethnographic perspective. Austin: Univ. of Texas Press, 1983.

Taylor, Perry 2005 — *Taylor M., Perry D.* Diffusion of traditional and new media tactics in crisis communication // Public Relations Review. Vol. 31. 2005. P. 209–217.

Yanow 2015 — *Yanow D.* Making sense of policy practices:Interpretation and meaning // Handbook of critical policy studies / Ed. by F. Fischer et al. (Eds.). Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2015. P. 401–421.

Yanow, van der Haar 2013 — *Yanow D., van der Haar M.* People out of place: Allochthony and autochthony in the Netherlands' identity discourse — metaphors and categories in action // Journal of International Relations and Development. Vol. 16. Issue 2. 2013. P. 227–261.

Remembering and forgetting in representation of territories in e-media

Dusacova, Irina S.
PhD Student, Researcher, Center for Ethnology, Institute of Cultural Heritage, Academy of Sciences of Moldova
Moldova, Chisinau, bd. Stefan cel Mare, 1, 2002
Tel.: +373 22 260 960
E-mail: dusacova@gmail.com

Abstract. The article considers nodal points of territory representation in mass-media texts dealing with cultural thematics. Our analysis is based on texts from both Moldovan media sources (self-presentation) and from Russian ones (representation of the "other"), published from January 2011 through December 2015.
Representations of cities (the cities of Gagauzia are taken as an example), countries (Moldova in the Russian media), regions (conventional "East" and "West") are analyzed in this article. Within representations of territories in mass-media we identified such nodal points as historical memory, preservation of culture and language, multiethnic character of spaces. We also identified nodal points common to two of the three levels: sports and religious themes for the cities and the country, the borders of the "West" and the "East" for the levels of the country and the regions).

Keywords: representation, discourse analysis, media channels of communication, territory, politicization

References

Assmann, A. (2014). Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika [Transl. from: Assmann, A. (2006). *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. München: C. H. Beck]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Barash, R. E. (2012). Figura "Drugogo" kak znachimaia sostavliaiushchaia rossiiskoi / russkoi identichnosti [The figure of the "Other" as a significant component of Russian identity]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion. Economic and social variables], *2012*(1) (=107), 90–99. (In Russian).

Bird, E. (2007). Applying visual methods in ethnographic research. In M. V. Angrosino (Ed.). *Doing cultural anthropology: Projects for ethnographic data collection*, 129–139. Prospect Heights, Ill.: Waveland Press.

Bird, E., Baber, J. (2007). Constructing a virtual ethnography. In M. V. Angrosino (Ed.). *Doing cultural anthropology: Projects for ethnographic data collection*, 139–149. Prospect Heights, III: Waveland Press.

Chilton, P., Schäffner, Ch. (1997). Discourse and politics. In T. A. van Dijk (Ed.). *Discourse as social interaction: Discourse as social interactions* (Vol. 2: Discourse studies: A multidisciplinary introduction), 206–230. London, SAGE.

Colapinto, C., Benecchi, E. (2014). The presentation of celebrity personas in everyday twittering: Managing online reputations throughout a communication crisis. *Media Culture Society, 36*(2), 219–233.

Dinnie, K. (2011). *City branding: Theory and cases*. New York: Palgrave Macmillan.

Eriksen, T. (2012). Uspekh s gor'kovatym poslevkusiem: rasskaz o norvezhskoi antropologii [Success with a bitter aftertaste: The story of Norwegian anthropology]. In A. L. Elfimov (Ed.). *Antropologicheskie traditsii: stili, stereotipy, paradigmy* [Anthropological traditions: Styles, stereotypes, paradigms], 109–129. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Filippov, A. F. (2008). *Sotsiologiia prostranstva* [Sociology of space]. St. Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russian).

Golovneva, E. V. (2014). Poniatiinye obrazy kontsepta "region" v akademicheskom diskurse [Conceptual images of the concept of "region" in academic discourse]. *Labirint* [Labyrinth], *2014*(4), 42–50. (In Russian).

Hall, S. (1980 [1973]). Encoding / decoding. In *Culture, media, language: Working papers in cultural studies*, 128–138. London: Routledge.

Hamelink, C. J. (2013). *Global communication*. London: SAGE.

Idlis, Iu. B. (2007). Chtenie, analiz i prepodavanie transmediinogo teksta [Reading, analysis and teaching transmedia text]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow State University Bulletin], Ser. 9: Filologiia [Philology], *2007*(1), 182–184. (In Russian).

Ieits, F. (1997). *Iskusstvo pamiati* [Transl. from: Yates, F. (1966). *Art of memory*. London: Routledge; Kegan Paul]. St. Petersburg: Universitetskaia kniga. (In Russian).

Iorgensen, M. V., Fillips, L. Dzh. (2008). *Diskurs-analiz. Teoriia i metod* [Transl. from: Jorgensen, M. V., Fillips, L. J. (2002). *Discourse analysis as theory and method*. London; Thousand Oaks, CA: SAGE]. Kharkov: Gumanitarnyi Tsentr. (In Russian).

Luman, N. (2005). *Real'nost' massmedia* [Transl. from: Luhmann, N. (2000). *The reality of mass media*. Stanford: Stanford Univ. Press]. Moscow: Praksis. (In Russian).

Mal'kova, V. K., Tishkov, V. A. (2012). *Kul'tura i prostranstvo: istoriko-kul'turnye brendy i obrazy territorii, regionov i mest* [Culture and space: The historical and cultural brands and images of areas, regions and locations]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo IuNTs RAN. (In Russian).

Moore, K., Mason, P., Lewis, J. (2011). Images of Islam in the UK. The representation of British Muslims in the national print news media 2000–2008. In J. Petley, R. Richardson (Eds.). *Pointing the finger: Islam and Muslims in the British media*, 40–65. Oxford: Oneworld.

Nekliudov, S. Iu. (2004). Zapadnyi i Vostochnyi etnicheskie vektory v russkom epicheskom soznanii [Western and Eastern ethnic vectors in Russian epic consciousness]. In A. P. Klemeshev (Ed.). *Na perekrestke kul'tur: russkie v Baltiiskom regione* [At the crossroads of cultures: Russians in the Baltic region] (Vol. 7, Part 1), 39–46. Kaliningrad: Izdatel'stvo KGU. (In Russian).

Padovani, C. (2005). Debating communication imbalances from the MacBride Report to the World Summit on the Information Society: An analysis of a changing discourse. *Global Media and Communication, 1*(3), 316–338.

Savel'eva, I. M., Poletaev, A. V. (2008). *Sotsial'nye predstavleniia o proshlom, ili Znaiut li amerikantsy istoriiu* [Social representations of the past, or Do the Americans know history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Selivanov, N. L. (2012). Opyt nastoiashchego [The experience of the present]. In E. D. Andreeva, V. O. Vasil'eva (Eds.). *Audiovizual'naia antropologiia. Kul'turnoe nasledie kak institut pamiati* [Audio-visual anthropology. Cultural heritage as memory institution], 161–173. Moscow: Institut naslediia. (In Russian).

Shemanov, A. Iu. (2012). Vizualizatsiia v sovremennoi kul'ture i reprezentatsiia sub"ektivnosti [Visualization in modern culture and representation of subjectivity]. *Audiovizual'naia antropologiia. Kul'turnoe nasledie kak institut pamiati* [Audio-visual anthropology. Cultural heritage as memory institution], 31–42. Moscow: Institut naslediia. (In Russian).

Sherzer, J. (1983). Kuna ways of speaking: An ethnographic perspective. Austin: Univ. of Texas Press.

Sokolovskii, S. V. (2001). *Obrazy "Drugikh" v rossiiskoi nauke, politike i prave* [Images of "Others" in Russian science, politics and law]. Moscow: Put'. (In Russian).

Sokolovskii, S. V. (2012). Sovremennyi etnogenez ili politika identichnosti? Ob ideologii naturalizatsii v sovremennykh sotsial'nykh naukakh [Modern ethnogenesis or identity politics? On the ideology of naturalization in the modern social sciences]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], *2012*(2), 77–83. (In Russian).

Taylor, M., Perry, D. (2005). Diffusion of traditional and new media tactics in crisis communication. *Public Relations Review, 31*, 209–217.

Trubina, E. (2000). Mesta pamiati, monumenty i "novaia" demokratiia [Memory locations, monuments and the "new" democracy]. *Topos*, no. 3. Retrieved from http://topos.ehu.lt/journal/%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B2-%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2/%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D1%81-%E2%84%96-3-2000. (In Russian).

van Deik, T. A. (2000). Kontekst i poznanie. Freimy znanii i ponimanie rechevykh aktov [Transl. from: van Dijk, T. A. (1977). Context and cognition: Knowledge frames and speech act comprehension. *Journal of Pragmatics, 1*(3), 211–231]. In V. V. Petrov (Ed.). *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia* [Language. Cognition. Communication], 12–41. Blagoveshchensk: BKG im. Boduena de Kurtene. (In Russian).

van Deik, T.A., Kinch, V. (1988). Strategii ponimaniia sviaznogo teksta [Transl. from: van Dijk, T. A., Kintsch, W. (1983). Strategies of discourse comprehension. New York: Academic Press]. In V. V. Petrov, V. V. Gerasimov (Comp., Eds., Intro.). *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics] (Vol. 23), 153–211. Moscow: Progress. (In Russian).

Yanow, D. (2015). Making sense of policy practices: Interpretation and meaning. In F. Fischer et al. (Eds.). *Handbook of critical policy studies*, 401–421. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing.

Yanow, D., van der Haar, M. (2013) People out of place: Allochthony and autochthony in the Netherlands' identity discourse — metaphors and categories in action. *Journal of International Relations and Development, 16*(2), 227–261.

Dusacova, I. S. (2016). Remembering and forgetting in representation of territories in e-media. *Shagi / Steps*, *2*(4), 292–311